

55 ЛЕТ УНИЧТОЖЕНИЯ ФАШИСТАМИ УЗНИКОВ ЕВРЕЙСКИХ ГЕТТО НА ТЕРРИТОРИИ ЛУНИНЕЦКОГО РАЙОНА

(Окончание. Начало в №98).

В солнечное утро 4 сентября жители домов на соседних с гетто улицах проснулись от криков, громкого плача, женских и детских стенаний, доносившихся из-за колючей проволоки. Люди увидели, что гетто было оцеплено плотным кольцом шутманов, полицейских, “зеленых” эсэсовцев, а внутри творилось что-то невообразимое. Прикладами винтовок, палками, пинками, немцы и полиция сгоняли евреев на Окружную улицу. Здесь, недалеко от ворот, обреченных людей строили в колонну. У ворот специальная группа офицеров гестапо, СД, полиции и гражданских лиц отбирала по спискам нужных им людей, которых отводили в сторону. Остальных под усиленной охраной повели по Красной улице из города. Опасаясь повторения событий — при уничтожении узников Лахвенского гетто за два дня до этого произошло восстание — напротив ворот Лунинецкого гетто, у дома Капланского (сегодня это выход улицы Крупской на Красную) немцы установили крупнокалиберный пулемет на треноге, другой был установлен на открытом кузове грузовой машины и перекрывал улицу, ведущую в город. Едва первая колонна освободила Окружную улицу, как ее заполнила очередная партия смертников. Ударами прикладов и палок всех их заставили стать на колени и сесть.

А первая колонна продолжала свой последний путь. Нельзя словами передать, как двигалась эта масса людей, знающих куда их ведут и что с ними будет. Они плакали, кричали, рвали на себе волосы и одежду, падали на мостовую. Евреев били, и они вставали, поддерживая друг друга, снова падали, теряя сознание от горя. Многие из

лась на окровавленные тела сородичей. Крики расстреливаемых, плач и вой (другого слова не подобрать) были слышны даже в городе.

Весть о расстреле облетела весь Лунинец. Очевидцев собралось много: часть из них стояла в конце Минского переулка, откуда было видно место расстрела, часть — возле бывшей базы “Заготзерно”, многие залезли на крыши домов, деревья. Но убийцы не хотели, чтобы кто-то видел их кровавую работу. Несколько раз солдаты и полиция пускали очередь из автомата

Все годы хотел кому-то рассказать, но время было не подходящим. Сегодня передаю бумажник и кошелек в краеведческий музей.

Я му с убитыми немного присыпали землей. Люди потом рассказывали, что земля над ямой долго шевелилась. В течение 2-3 дней туда еще приводили тех, кого выловили в гетто, кто хотел любым способом спастись. Потом из ямы начала вытекать кровь — темным пенящимся потоком она устремилась к дороге. Тогда яму и кровь засыпали несколькими маши-

ботавшая перед войной медсестрой в городской больнице. Ее расстреляли тут же на месте. Была поймана и расстреляна еще одна медсестра, появившаяся в городе в первые дни войны, когда сюда бежали из Пинска многие работники областных учреждений (часть их осела в Лунинце). Женщину звали Розой, спряталась она в специально переделанной печке: задняя стенка топки разбиралась, за ней было сидячее место на одного человека. Чтобы спрятаться в этом тайнике, нужно было влезть в топку, разобрать кир-

везли этих евреев на Бохоново, присоединили к ним еще 10-12 специалистов (по одной версии, из Микашевичского гетто, по другой — из Гамбурга) и расстреляли.

Накануне расстрела Пинхасович спрятался на чердаке в тайнике под двойной крышей, но через день был обнаружен. На “Бензинку” его вели через ныне не существующий пешеходный переезд, соединявший улицу Кладбищенскую с Залесьем. Повстречав тут моего отца, Гершко попрощался с соседом — это были, наверно, последние в его жизни слова.

Гетто было ликвидировано, его обитатели убиты. Через несколько месяцев ничто не напоминало, что тут когда-то жили люди. Но иногда прошлое давало о себе знать. Зимой 1942/43 годов бывшее гетто заняла ремонтная часть вермахта, восстанавливавшая разбитые легковые автомобили и мотоциклы. Во многих домах и синагоге разместились склады и мастерские. Один из домов на Окружной улице обнесли проволокой, поселив тут около 50-75 советских военнопленных, работавших в мастерских и на подсобных работах. Мы, мальчишки, постоянно вертелись возле разбитой немецкой техники. Весной 1943 года я видел, как несколько пленных, разбирая сарайчик, нашли коробку с фотографиями, документами и несколькими золотыми монетами на дне. При дележке монет возникла драка. Немец-охранник дал очередь, убил двух пленных и нескольких ранил, а монеты из сжатых кулаков убитых положил в свой карман.

Вот еще одна история. 1949 год. Рабочие городской ремстройконторы ремонтируют дом по Окружной, которого теперь уже нет. В развалившейся дымоходной трубе находят стаканчик с золотыми монетами и украшениями. И на этот раз

УБИЙСТВО

Справа — лунинчане-евреи, которые остались живыми благодаря эвакуации или службе в Красной Армии, после возвращения в город встретились на братской могиле своих родственников. 1945 год.

Иллюстрация из книги “Изгор”.

рая сознания из горя. Многие из обреченных тут же расставались с дорогами и памятными, но уже не нужными вещами — на брусчатку Широкой улицы падали разорванные семейные реликвии: фотографии детей, молодоженов, умерших родителей, родственников, документы, справки, метрики, акты на владение землей и зданиями, польские злотые, советские червонцы и облигации довоенных займов. Шедшие в этой колонне знали, что им не понадобятся уже бумажники и кошельки, очки и шейные косынки, бусы и броши, бритвы и помазы — и многое другое, что украшало и облегало жизнь. Все это лежало на мостовой вперемежку с утерянной детской и взрослой обувью.

А вокруг этой плачущей, медленно идущей массы разно-возрастных детей, женщин и мужчин шли фашисты и их прислужники с сигаретами в зубах и равнодушными, бесстрастными лицами. Из-за заборов, из окон домов, от калиток, смотрели на идущих плачущие местные жители, узнавая своих соседей и знакомых в этом караване смерти. Колонна медленно прошла часть улицы Широкой, свернула на Мельничную (ныне там стоит поликлиника), пересекла Фабричную и направилась в сторону вала. На его восточном склоне была огромная яма — ее накануне вырыла одна из рабочих команд, которую не вернули на ночь в гетто. Всех тех, кто рыл яму, расстреляли с первой партией смертников.

Район экзекуции был оцеплен немцами и полициями. Недалеко от ямы колонну остановили, отделяли от нее по несколько человек, заставляли их снять с себя всю одежду, причем женские и мужские вещи складывались отдельно. Голых людей ударами палок заставляли спуститься в яму, лечь лицом вниз и хладнокровно стреляли в голову. Сопротивлявшихся расстреливали тут же и сбрасывали трупы в яму. Очередная партия обреченных лежи-

в сторону наблюдавших — на них сыпались сбитые пулями ветки и листья. Люди прятались, пригибались, но потом снова лезли наверх, чтобы все видеть.

Конечно, самыми правдивыми были бы показания человека, стоявшего на краю ямы и чудом выжившего. Но таких не оказалось. Возможно, еще живут где-то далеко те, кто совершил это злодеяние, но они не расскажут, как совершалось убийство...

Когда в первой партии обреченных оставалось несколько десятков человек, из гетто двинулась очередная колонна. Конвейер смерти действовал без перебоев. По Широкой и Мельничной улицах двинулся очередной скорбный кортеж с плачущими детьми, женщинами с безумными от горя и страха глазами, с мужчинами, не могущими защитить свои семьи, с теряющими сознание стариками. И вновь обреченные свой последний жизненный путь устали дорогами и хранимыми вещами. Этот путь: гетто — Широкая — Мельничная — яма — повторили несколько партий смертников. Во второй половине дня "окончательное решение еврейского вопроса" было закончено. Последними над ямой встали Мовша Гринштейн с красивой женой. Они стояли обнявшись, потом поцеловались и так, обнявшись, были убиты.

Когда к месту расстрела прошла последняя партия узников, во дворы жителей улицы Широкой заходили полицейские и приказывали убрать все то, что лежало на мостовой. Я подобрал кожаный бумажник и разорванный кошелек. Мне было 10 лет. Много из происходящего вокруг я не понимал, над поступками не задумывался. Взял эти вещи, видимо, потому, что было интересно. Когда родители увидели их — я получил сильную трепку. Но не выбросил, а сохранил: сначала бессмысленно, а потом осмысленно.

нами извести, причем известь возили со станции и сыпали на яму те евреи, кого немцы пока оставили в живых для работы. Постепенно поверхность ямы покрылась бело-коричневой коркой и ее окончательно засыпали землей. Несколько дней и ночей возле ямы дежурил наряд полиции, никого не подпускал.

Вся одежда с места казни была свезена в одно место (ныне это здание райпо по улице Гагарина), куда немецкая администрация приглашала военных и гражданских лиц "за подарками". Следующее неприятное воспоминание о тех событиях — это грабег гетто. Еще вели первую колонну на расстрел, еще на Окружной стояли на коленях живые узники, а полиция уже сделала проходы в заборе со стороны Объездной улицы и запускали в гетто своих друзей и знакомых. Те выносили и вывозили подводами из пустых домов одежду, белье, подушки, перины, посуду, мебель... Кто были эти люди, я не знаю. Да и можно ли их назвать людьми?!

Узники гетто, зная, что их ждет, либо безропотно ждали своей участи, либо думали о спасении, загодя готовились к роковому дню, хотя и не знали конкретной даты. Кто-то вырыл яму под полом, кто-то соорудил в трубе подмостки, кто-то смастерил на чердаке двойную крышу, кто-то в отхожем месте соорудил ящик, в котором можно было закрыться, а кто-то спустился в колодец и в его стенке сделал углубление, вымостив досками. Но все эти попытки спастись не увенчались успехом — немцы не покидали гетто в течение двух месяцев после казни, за это время почти все скрывавшиеся узники были обнаружены и расстреляны.

На третий или четвертый день после ликвидации гетто в одном из отхожих мест в небольшом ящике под полом была найдена молодая еврейка, беженка из Польши, ра-

**Иллюстрация из книги "Иззор".
Слева — последние 6 лет наши бывшие земляки — ныне граждане Израиля — приезжают на ту же могилу, оплакивают погибших.
Фото Г.ЖУКА.**

пичи, влезть в тайник и заложиться кирпичами. Как ее нашли, неизвестно. Почти месяц провисела в трубе на специальных подмостках лунинецкая портниха Хана с Мельничной улицы.

В 1942 году рано выпал первый снег — уже в первых числах октября ненадолго запорошил землю. Именно он помог полициям найти еще одну семью. На углу Широкой и Окружной стоял большой дом. До войны в одной его половине жила перекупщица Рива Шапиро, в другой — Соня Дятловицкая с семьей. Со стороны Широкой к дому примыкали две веранды. Под одной из них в яме более месяца скрывалась еврейская семья. Видимо, у нее закончились продукты и вода, и один из узников руками изпод веранды собрал снег. Утром следы рук обнаружил "цуцик". В веранде был разобран пол, из ямы извлекли всю семью — четырех человек. Они были очень худы, не могли стоять, а только сидели на земле и в спешке ели снег. Их расстреляли на "Бензинке".

Несколько слов о судьбе оставленных в живых евреев-специалистов. Их поместили в "малом гетто", огорожив несколько домов внутри большого гетто колючей проволокой. Уже на второй день после казни их отправили на работу в город. В числе их оказался наш сосед (жил по Широкой, 28), известный в городе и районе колушник Гершко Пинхасович. Но теперь он работал плотником. На второй день после расстрела чинил крышу на доме лунинецкого бургомистра Якубика (после войны в этом доме по улице Советской была поликлиника) и увидел с высоты, как у вала расстреливают тех, кого выловили в гетто. Он сказал об этом работавшим с ним лунинчанам: "Я знаю теперь, где убита моя жена" и просил передать прощальный привет всем соседям. Но судьбе было угодно, чтобы он лично еще раз попрощался. Через некоторое время немцы вы-

ми и украшениями. И на этот раз возникла драка. В результате МГБ изыало золото в пользу государства.

После войны место расстрела евреев-мужчин у озера Мочуло, на запасном-линском пути, затерялось, ничем не отмеченное. Не знаю, найдется ли сегодня человек, который укажет точное место захоронения свыше 1300 человек. А место расстрела у вала после войны было ограждено проволокой на бетонных столбиках, насыпан небольшой холмик. В начале 50-х годов у нашего соседа Геннадия Пинхасовича видел фотографию: у этой могилы стоит группа родственников погибших.

Не знаю, пытались ли в конце 40-х — 50-х годах установить на месте казни памятный знак. Впрочем, на "Бензинке" (где ныне Курган Славы) долгое время стоял только памятник с крестом, возведенный родственниками одной расстрелянной семьи. Постепенно многие коренные лунинские евреи уехали в Польшу, Израиль, США. Кто-то вырыл на месте казни бетонные столбы, кто-то посадил рядом картошку, тут же пасли коз и коров. Постепенно исчезал вал, на пустырь наступал город. У могилы появились заборы, строения, рядом пролегла дорога. Казалось, вот-вот и это место затеряется, о нем забудут. Но появился памятник, увековечивший трагедию гетто.

Зачем пишу о тех страшных днях? Чтобы помнили: эти люди тоже жили на нашей земле. Те, кто лежит под обелисками, были частью нашего народа, нашей культуры, истории, многое сделали для города. Как могли и умели, они жили на этой земле и тут приняли мученическую смерть. И всем нам, пережившим те страшные годы и родившимся после них, следует помнить о всех погибших...

Л.КОЛОСОВ.